

фантастическая
история

Книги Бориса Батыршина
в серии «Фантастическая История»

КОПТСКИЙ КРЕСТ
ЕГИПЕТСКИЙ МАНУСКРИПТ
МАРТОВСКИЕ КОЛОКОЛА

МОСКВА, 2015

фантастическая
история

Борис Батыршин
Мартовские
колокола

€ ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛЬФА-КНИГА

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Б28

Серия основана в 2010 году
Выпуск 104

Батыршин Б. Б.

Б28 Мартовские колокола: Фантастический роман.— М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2015. — 378 с.: ил.— (Фантастическая История).

ISBN 978-5-9922-1976-0

Занимательная прогулка в прошлое закончилась, и теперь героям предстоит вступить в жестокую схватку. На кону — судьба страны и десятки жизней; надеяться остается только на себя и своих друзей. И даже риск навсегда остаться в прошлом и разделить судьбу его обитателей — это, как выяснилось, не самое страшное. Враг не дремлет: бомбисты-народовольцы, нашедшие общий язык с политическими радикалами из будущего, — вот взрывоопасный коктейль, который способен вывернуть наизнанку всю историю Российской империи.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1976-0

© Батыршин Б. Б., 2015
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2015

Часть первая
ГИМНАЗИЧЕСКИЙ ВАЛЬС,
или
ИГРА В ОДНИ ВОРОТА

ГЛАВА 1

Осенний день был чудесен. Нежаркое сентябрьское солнышко щадило зятянутых в сукно и толстую кожу людей; короткий, теплый еще дождик прибил пыль, поднятую лошадиными копытами. Воздух над полями и невысоким, увенчанным сосновым бором откосом был прозрачен, как наилучший хрусталь, а потому издали можно было различить и шитье на офицерских мундирах, и императорские вензели на ташках гусар, и латунные кокарды киверов. Правда, время от времени ряды войск затягивала сплошная ватная пелена порохового дыма; а уж когда стреляли двухфунтовки, стоящие у самого моста, дымные столбы вылетали из их жерл на много метров вперед, закрывая от наблюдателей все: и сдвоенные ряды парижских волонтеров в нарочитых обносках и «революционных» треуголках, и разворачивающихся на фоне горящих изб кирасиров, и серых с красным гусар Третьего полка, стоявших где-то на дальнем от ручья фланге, возле редких кустов тальника.

— *A gauche convention marche!*¹

Неровная линия кавалеристов в серых ментиках с красными шнурами принялась разворачиваться влево. Крайний высокий худощавый — единственный, чей мундир был украшен серебряным шитьем, — обернулся, привстав на стремянах. От стоящей вдали группы всадников скакал адъютант в роскошном белом кольбаке² и голубом ментике, отороченном белым

¹ Изменить направление налево! (*Фр.*)

² Военный головной убор — шапка из медвежьего меха на жесткой кожаной основе.

же мехом. На скаку он махал рукой в сторону русских позиций и неразборчиво кричал.

Всадник в серебряном шитье — видимо офицер, командир небольшого отряда, — поморщился и повернулся к гусарам:

— Serrez vous range! Prepare pour charge!¹

По серой с красным шеренге прошло шевеление. Верхние принимали влево, сокращая интервалы; малое время спустя они уже стояли колено к колену, выжидающе поглядывая на офицера. Лишь один, правофланговый, боролся с заигравшей некстати кобылой — та мотала головой и дергала повод. Всадник шипел и нехорошо ругался.

— Sabre a maine! Portez vous arme!²

Залязгало; высверками вылетели из ножен и легли на плечи клинки. Одна-две лошади испуганно дернулись, но остались в строю. Адьютант подлетел к офицеру и, наклонившись, принялся что-то говорить; в стороне как раз бабахнула двухфунтовка, и лошадь адъютанта, присев на зады, резко отпрянула от источника звука — тот еле удержался в седле. Гусарский офицер кивнул, опустил руку с саблей к стремени и слегка приподнялся в седле:

— Au trot marche!³

Шеренга двинулась. Гусары по-прежнему держали сабли у плеча. Впрочем, кое-кто взял клинок перед собой, наискось конской гривы, что, похоже, было против правил — офицер недовольно покосился на нарушителей, но удержался от замечания. Кони шли ровно, всадники держались колено к колену; лишь игривая рыжая правофлангового мотала головой, норовя вырваться из строя вперед.

— Au galope marche!⁴

Ухнуло. Пехотинцу, стоящему крайним в небольшой группе, мимо которой как раз проходили гусары, показалось, что под ним дрогнула земля; солдат поспешно шагнул в сторону. Серомундирная шеренга прынула, стремительно теряя стройность: несколько всадников, в том числе крайний гусар

¹ Сплотить ряды! Приготовиться к атаке! (Фр.)

² Сабли в руку! На плечо! (Фр.)

³ Рысью марш! (Фр.)

⁴ Галопом марш! (Фр.)

на рыжей кобыле, сразу вырвались вперед — кто на полкорпуса, а кто и на целый лошадиный корпус.

— Charge!¹

Сабли разом взлетели: серые не крутили ими по-казачьи над головой, а вытянули вперед, подобно копьям, между лошадиными ушами. Клинки они держали плашмя, оборотив кисти пальцами вниз. Впереди — рукой подать! — колыхалась буро-сизая масса крестьян в суконных армяках, обшитых мехом безрукавках. Среди моря бесформенных шапок виднелись кое-где кивера и папахи с ополченческими крестами. Навстречу гусарам качнулся частокол двурогих свежеструганных вил, кос, насаженных торчком; замелькали в толпе топоры на длинных, на манер алебард, древках. Из толпы партизан ударил выстрел-другой, но это не могло уже остановить стремительного наката серо-алых.

Почти достигнув щетины выставленных навстречу острий, верховые приняли влево и уже по одному поскакали, вкруговую обтекая партизан. Те, сбившись в плотную группу, напоминали теперь сердитого ежа: гусары, двигаясь вокруг этой колючей массы, с замаха рубили по выставленным древкам; летели щепки.

— Ну вот, судари мои, они и попались! — довольно проворчал Корф и повернулся к молчащим в седлах кавалергардам. Скользя взглядом по всадникам, барон незаметно со стороны дернул щекой: масти коней были разнобойными, положенной полку вороной не было вовсе. За шеренгой статных молодцов в черных кирасах и белых мундирах стоял ряд черных с серебром александрийцев. А красиво, черт возьми! Нет, жаль все же, что кони не в масть...

— Вахмистр?

От шеренги гусар отделился невысокий крепкий унтер, ладно сидящий на вороной лошади. Барон вновь поморщился: и лошадь, и всадник были явно не гусарских статей; эдакому молодцу служить бы в драгунах. «Впрочем, — напомнил себе Корф, — не надо судить строго. Вечно я забываю, что тут правила иные. Эти люди хоть и стараются изо всех сил, но подбирать людей и лошадей по росту и статьям позволить себе никак не могут. Да и зачем это, если вдуматься?»

¹ В атаку! (Фр.)

— Вот что, голубчик, а подрежьте-ка вы серым гусарам хвосты! И нас заодно фланкируете...

Унтер кивнул, вскинув пальцы к козырьку, крутанул лошадь и вернулся к своим гусарам. Барон недоуменно нахмурился: сколько ни напоминай себе, а вбитое годами строевой службы не вытравить самовнушением...

...Если же нижний чин едет верхом на заузданной лошади (то есть поводья в обеих руках), то для отдания чести правую руку не прикладывает к головному убору, а лишь поворачивает голову к начальнику и провожает его глазами...¹

Конечно, на войне подобным придирам не место, но мероприятие, на котором он сейчас находился, с чистой совестью можно назвать маневрами — а уж на маневрах-то сам бог велел требовать от нижних чинов строгого следования уставу... Ну вот, опять! Какой, к свиньям, устав? Он остался в ста тридцати годах в прошлом...

— Са-а-бли вон! Рысью-марш!

Эх, трубача нет! А без него — что за кавалерийская атака! Никакого шика. По правилам сейчас следовало трубить к галопу, а потом — «Марш-Марш!» и «Строй равняйся!». Эскадрон, подняв палаши, пускает в карьер; усатые унтеры следят, чтобы кавалеристы на правом фланге не отпускали особенно поводов, ибо опытом доказано, что левый фланг не успеет скакать за правым, ежели оный пустит без всякой сноровки...

Серые увидели угрозу и начали поворачивать навстречу. Поздно: гусары не успели не то что разогнаться навстречу кавалергардам, а даже не смогли сплотить ровной линии; к тому же партизаны, воодушевленные помощью, сломали своего ежа и кинулись отбивать остановившихся гусар от строя, окружая их вопящей толпой, ошетиленной вилами и косами. «Французы», попавшие в середину таких группок, крутились на месте, ловко отмахивая саблями тянущиеся со всех сторон дреколя.

Однако две трети серых все же успели сбиться вместе и встретить атаку лицом к лицу. В последний момент они даже слегка разрешили строй, и тяжелые кавалеристы картинно,

¹ В. В. Крестовский. Книжка для молодых солдат кавалерии и казаков. — СПб.: 1887 г.

работая на публику, гребенкой прошли сквозь гусар; залязгали клинки, и барон краем глаза увидел, как черно-серебряные александрийцы поскакали в обхват, прижимая серых к нестройной массе партизан — на вилы, на косы, на разгром...

Офицер серых ловко (барон даже удивился — откуда такая сноровка у далеких потомков?) отбил два удара баронова палаша, потом отсалютовал Корфу саблей:

— Ну что, расходимся? Классно отыграли!

Барон согласно кивнул, принял коня в сторону:

— Назад, господа кавалергарды! Ры-ы-ысью!

— А барон-то... бог войны! — радостно крикнул Николка.

Я кивнул. Корф и правда был хорош, хотя и пришлось ему сменить роскошное латунно-полированное облачение на более соответствующие эпохе — черную крашеную кирасу и высокую кожаную каску со щетинным гребнем.

Впрочем, рассматривать кружащих в клубах пыли и упоенно звенящих клинками кавалеристов было некогда. Упереть тяжелое ружье прикладом в землю... потом, скусив патрон, всыпать порох в ствол и прибить бумажным пыжом. На языке — кислый привкус меди от капсюля, который, чтобы не потерять, пока держишь в губах: не забыть надеть его на шпенек, иначе молоточек замка только всухую щелкнет, не воспламеняя пороха в казеннике и не толкнув в плечо отдачей...

Оружие раздобыл нам все тот же барон — в Фанагорийских казармах кроме винтовок Крнка и прочего оружейного хлама нашлось несколько старых, времен еще Крымской войны, капсюльных ружей с латунными накладками. Возиться с «постройкой» мундира мы не захотели — хотя, может, и зря; в швальне Троицко-Сергиевского резервного батальона сшили бы и не такое. Но вместо этого мы, под чутким руководством Порфирыча, денщика Корфа, посетили Сухаревку и подобрали там вполне антуражные армяки, кушаки, шаровары и прочее, необходимое уважающему себя «партизану» тряпье. Вон Ромка заткнул за пояс приобретенный там же, на Сухаревке, крестьянский топор — нарочно выискивал вот такой, понеказистее, с истертым бог знает за сколько лет топищем и неровным, грубой деревенской ковки лезвием.

Ранцы партизанам тоже не полагались; ограничились грубыми холщовыми торбами через плечо, в которых навалом

лежали накрученные Порфирьичем бумажные патроны. Старый солдат долго учил нас хитрой науке ружейных приемов: «скуси патрон», «сыпь порох», «прибей заряд»...

Сам старик стоял сейчас рядом с нами — Корф строго наказал денщику следить, чтобы нас, значит, не обидели или там конями не потоптали — баталия все-таки... Ну это он зря — толпа «партизан Герасима Курина»¹ на поверку оказалась состоящей из мальчишек окрестных школ, собранных на фестиваль и одетых в одинаковые бутафорские колпаки и кафтаны. Надо было видеть, как «партизаны» с пылом кидаются на французских кавалеристов, в запале силятся ткнуть супостатов фанерными косами и, картинно подпрыгнув, десятками валятся на землю после очередного пушечного выстрела! Порфирьич унтерским рыком построил свое невеликое войско — и все мы, четверо, споро заряжая ружья, били в сторону шеренг красно-синей пехоты слитными залпами...

— А все же я не понимаю, Макар, зачем тебе понадобилось тащить наших гостей на фестиваль? Вот уж нашел чем удивить — игрища в старинные сражения! Ну я понимаю, когда Роман барона привез тогда в Коломенское... а теперь-то зачем? Неудобно даже. Нам что, показать им больше нечего?

Каретников поглядел на Олега Ивановича и вздохнул.

— Все-то ты по себе судишь, Олегыч. Нет, я понимаю, конечно, что иные реконструкторы слегка стыдятся своего увлечения — ну то есть в своих кругах, конечно, все круто, есть чем гордиться, а вот на работе не рассказывают лишний раз, чтобы не услышать чего-нибудь снисходительно-ироничного, типа «ряженые» или «не наигрались в детстве». Но мы-то с тобой, кажется, уже давно выше подобных комплексов? И потом — что значит «показать больше нечего»? Мы ведь, кажется, не экскурсии сюда устраиваем — нам с этими людьми предстоит большие дела делать. Так что уж отвыкай, будь любезен, от такого тона, пора бы...

— Опять ты все наизнанку вывернул! — возмутился собеседник. — А я между тем совсем иное имел в виду. Времени у нас не так уж и много, а вы с бароном тратите его на всякого рода пострелушки. По-твоему, это правильно?

¹ Предводитель крестьянского партизанского отряда, действовавшего во время Отечественной войны 1812 года в Вохонской волости (район нынешнего города Павловский Посад). В настоящее время там проводится военно-исторический фестиваль, посвященный этим событиям.

— А я вот позволю себе с вами не согласиться, дражайший Олег Иванович! — встрял в разговор Евсеин. — Если вы захотите услышать мое мнение, то посещение этого народного гуляния — просто гениальный ход. Возьмите меня: уж кому-кому, а мне грех жаловаться на привыкание к чужому времени, а вот поди ж ты — на этом празднике я наконец по-настоящему ощутил, что вы, потомки, в сущности, не так уж далеки от нас. История у нас общая, предки тоже. А что до привычек и окружения — разве это так уж и важно? Люди во все времена одинаковы. Да вот хоть замени сейчас это все... — и он широким жестом обвел ряды клеенчатых навесов, где торговали сувенирами, бутербродами и жарили шашлыки, — ...на лоточников с Охотного да Сухаревки. Думаете, кто-нибудь заметит подмену? Наоборот, решат, что власти постарались и сумели еще детальнее передать «дух прошлого»...

Олег Иванович хмыкнул. Спорить с Евсеиным было не с руки. С тех пор как к доценту окончательно вернулась память (спасибо Каретникову и его хитрым пилюлям), историк активно вживался в новые реалии и успел за месяц с небольшим стать среди них совершенно своим. Идею совместной, всей группой, поездки на Вохненский военно-исторический фестиваль он воспринял с восторгом — впрочем, как и Корф, и Яша с Николкой, — и с головой ушел в подготовку к этому мероприятию.

Казалось бы — чего уж проще? Походы через портал вся компания освоила уже прилично; Николке и Семеновым пришлось основательно перетрясти закрома, и теперь у каждого из членов их небольшой группы имелась своя бусинка от древних четок. Она во всякое время открывала портал, соединяющий девятнадцатый век с двадцать первым, так что, дабы не примелькаться на улице Казакова (носившей в прошлом название Гороховской), пришлось выработать даже особую процедуру перехода. В девятнадцатый век проникали так: в портал входили со стороны дворика в двадцать первом веке, с тем чтобы оказаться в прошлом на тротуаре. Во дворе дома Овчинниковых было слишком уж много внимательных глаз; и если студенты, населяющие съемные комнаты, были заняты лишь самими собой, то бдительный дворник Фомич нипочем не упустил бы визитеров из виду. Благо в последнее время он насмотрелся на странных гостей.

Путешественники уже привыкли к тому, что посторонние

не видят момента появления из «иновремени». Даже если специально прикладывать усилия, всегда возникала какая-то помеха вроде некстати зачесавшегося глаза — сторонний наблюдатель ни разу еще не сумел обнаружить открывающегося в стене дома портала.

Двор дома на улице Казакова — типичный офисный особнячок, куда кто только не заходит по своим надобностям, — хоть и был оснащен положенными по статусу видеокамерами, но все же оставался местом тихим, и на случайный народ там внимания не обращали. Олег Иванович с Каретниковым уже подумывали о том, чтобы снять в этом доме офис: тогда портал во времени можно будет вообще надежно скрыть от посторонних глаз. Так что было раз и навсегда договорено, что, перебираясь из прошлого в будущее, следует входить в портал со стороны улицы и появляться во дворике дома; совершая обратное путешествие — наоборот, надо было войти в тоннель со двора и оказаться в прошлом на булыжнике Горховской улицы.

Но на этот раз процедура перехода оказалась куда более хлопотной. Корф, узнав о фестивале, развил бурную деятельность. Каретникову и Семенову в какой-то момент оставалось лишь соглашаться да измысливать способы, как реализовать ту или иную затею. Для начала барон вознамерился провести на празднество своего коня — невместно ему, природному кавалеристу и ротмистру лейб-гвардии, выступать на прокатской кляче. Гости из будущего зачесали в затылках; был разработан сложный план, согласно которому Николка с Ваней, мотаясь туда-сюда через портал, должны были выбрать подходящий момент, когда ни во дворе, ни на улице не будет слишком уж много народу, — и после этого быстренько провести коня через тоннель. Имелось, правда опасение, что норовистая животиная откажется лезть в загадочную дыру в стене, но хоть здесь все обошлось.

Потом выяснилось, что для ухода за буцефалом необходим денщик, Порфирьич — никому другому Корф не собирался доверять своего скакуна. Каретников и Семенов было принялись протестовать — как, посвящать в тайну портала еще одного человека, да еще и совершенно не готового, в силу общего уровня знаний, к подобным реалиям?

Однако барон сумел настоять на своем — и оказался, как ни странно, прав. Выяснилось, что Порфирьичу в общем все

равно, где находится, он с тем же успехом мог бы выполнять распоряжения барона и в песках пустыни Атакама, и на Луне — если там найдется чем дышать.

Предвидя, что на той стороне конь может перепугаться первого же автомобиля (хотя по вечернему времени машин на улице Казакова мало), Корф накинул на голову животного плащ. Переведя его в таком виде через межвременной тоннель, барон завел коня в ближайший дворик, где ждал пикап с будкой-коневозкой на прицепе. А уж оттуда и доктор, и барон, и его верный скакун отправились по Садовому кольцу и дальше — в сторону Павловского Посада. Порфирьича, от греха, барон посадил рядом с собой, в машину к Каретникову. Денщик поначалу дико озирался по сторонам, крупно дрожал, но после того как барон вручил ему флягу с водкой и в приказном порядке потребовал уполовинить ее содержимое, успокоился. И потом уже всю дорогу он с интересом поглядывал в окошко каретниковской тачки, с вождением косясь на заветную фляжечку.

Каретников подозревал, что Корф просто обрадовался случаю «легально» познакомиться Порфирьича с тайной путешествий во времени; они уже успели не раз убедиться, что барон доверял денщику во всем и испытывал дискомфорт, будучи вынужденным подолгу обходиться без его услуг. К тому же Порфирьич и правда оказался крайне полезен. Попав в лагерь военно-исторического фестиваля, старый солдат освоился неожиданно быстро. Барон поручил его заботам Николки с Ваней, и Порфирьич, оказавшийся в роли эдакого дядьки при генеральских сынках, ходил всюду за мальчиками, помогал осваивать хитрую науку владения капсюльными дульнозарядными ружьями и подгонял, чтобы ладно сидели, приобретенные на толкучке армяки и поддевки. Мальчишки в благодарность водили старика с собой по лагерям реконструкторов; Порфирьич присаживался у костра, слушал разговоры, степенно отвечал, когда спрашивали, и недовольно косился на тех гостей фестиваля, что проигрывали жаркие схватки с зеленым змием, — а таких здесь было великое множество...

В лагере красноярцев, клуба, реконструирующего французскую артиллерию, случился забавный инцидент, когда двое реконструкторов в изрядном подпитии чуть не повалились в костер, — и ветеран не выдержал. Он, как кутят, отта-

шил их подалеже от огня, заставил стоять «смирно» и долго матерно внушал, что солдат, который не умеет по-божески, в меру, напиться и принимается колобродить на биваке, — свинья, а не солдат, и такому хороший унтер должен непременно бить в рыло. Собравшиеся вокруг реконструкторы разных видов оружия с восторгом внимали проповеди; отдельные слушатели пытались воспроизводить особенно сочные и колоритные обороты Порфирьича. Испугавшиеся было Ванька с Николкой успокоились, и с того вечера все трое стали желанными гостями на всех биваках.

— А скажите, дражайший Вильгельм Евграфович, — спросил Семенов, — как все же получилось, что вы связались с этим прощельгой Стрейкером? Мы, признаться, голову себе сломали — все гадали: как могло так получиться?

Евсеин пожал плечами, снял пенсне и принялся безо всякой необходимости протирать круглые стекла.

— Кхм... видите ли, батенька... — доцент смутился, — а что бы вы сделали на моем месте? Когда я обратился в Императорское Географическое общество с просьбой о выделении средств на экспедицию, со мной даже говорить не стали. Сами небось знаете — у этих господ все внимание сейчас к Туркестану, Памиру да прочим странам на пути в Индию и Китай. Сирия им неинтересна.

Олег Иванович кивнул. Он, разумеется, помнил о той огромной роли, которую сыграли и сыграют еще экспедиции Пржевальского, Семенова Тянь-Шанского и их коллег. Работа военных географов, бывших, по сути, передовым отрядом империи в разгорающейся схватке с другой империей, Британской, не выпячивалась на первый план; многие ученые знать не знали об истинных корнях интереса Географического общества к среднеазиатским регионам. Евсеина можно понять — на экспедицию в Малую Азию, на Ближний Восток, исконную вотчину Турции, где только-только стало намечаться соперничество британского льва с крепнущим хищником, Германией, никто средств не выделит.

— А в Палестинском обществе не пробовали? — поинтересовался Каретников. — Сирия — их вотчина, могли бы и помочь...

Евсеин смешно замахал руками:

— И-и-и, что вы, бог с вами, батенька! Эти поначалу меня

вообще на порог не пустили. Я ведь, когда отчаялся найти поддержку по академической линии, совсем духом упал. Вот и решил обратиться в Палестинское общество — а вдруг? А они, оказывается, заранее сделали запрос в Священный синод по поводу моей персоны. А у меня, признаться, еще со студенческих лет... кхм...

— Нелады с университетским начальством? — усмехнулся Семенов. — Знакомо-с...

— Да, знаете ли.... — закивал доцент. — В бытность на первом курсе приключилась глупейшая история. Я уж потом жалел — да поздно-с...

— А в чем дело? — полюбопытствовал Семенов.

— Да вот отказался целовать руку отцу Варсонофию, коий был назначен преподавать логику. Не мог стерпеть, что лицу духовному было поручено преподавать науку разума. И прошу на милость: предан университетскому суду, оправдан — однако клеймо на всю жизнь. Я ведь тогда Петербургский Императорский заканчивал, тоже по кафедре античных древностей. Хотел остаться там, но не вышло. Для служащих по казенной части требуется подтверждение благонадежности. Вот и пришлось перебираться в Казанский университет, а уж потом — в белокаменную. В общем, в Палестинском обществе у меня не сладилось.

— И тут появился Стрейкер, — понимающе кивнул Каретников.

— Да, голубчик. Выскочил, как чертик из табакерки, негодяй эдакий, — подтвердил Вильгельм Евграфович. — Я уже потом заподозрил, что обязан его появлением именно господам из Палестинского общества: оказалось, что у сего бельгийского подданного немалые связи в этой организации. Во всяком случае, при подготовке экспедиции в Сирию именно он устроил мне протекцию по линии общества, да так быстро... Мне бы удивиться, заподозрить неладное, но нет — горел энтузиазмом, все ждал, что вот-вот — и мечты сделаются явью.

— А что, версия... — задумчиво сказал Олег Иванович. — В конце концов, если вы напали на записи этого веронца, — помнишь, Макар, я рассказывал, его еще казнили в Египте, — так что мешало и бельгийцу сделать то же самое? Нашел следы в какой-нибудь европейской частной коллекции или музее — и принялся искать варианты.

— Непонятно, — покачал головой Каретников. — Слишком уж сложно. Ну ладно, предположим, нашел, но зачем подбирать исполнителя в России? Будто в Европе мало археологов!

— Э-э-э, нет, не скажи! — хмыкнул Семенов. — Во-первых, европейские египтологи и знатоки Ближнего Востока все на виду. И если кому-нибудь из них поступило такое предложение — об этом тотчас стало бы известно в Англии или как минимум в Берлине. Там мощнейшая археологическая школа; в Берлинском королевском музее сам Эрман, а почти все современные египтологи — его ученики или поклонники. Или оппоненты, что в данном случае одно и то же. Другое дело Россия: наши, конечно, в Берлин и едут, и ездят, — но все равно уровень связей не тот. И к тому же манускрипт спрятан в православном монастыре Святой Феклы, и еще очень большой вопрос — допустят ли к нему ученого из неправославной страны. Так что и тут с русским иметь дело куда выгоднее. Верно, Вильгельм Евграфович?

Евсейн кивнул.

— Да, вы правы. Представьте, монахини рассказывали мне о том итальянце, с которого и началась вся история. Так вот, после него к документу никого не допускали, я был первым. А ведь не доказано, что с такой просьбой к ним никто не обращался!

— Да, пожалуй... — неопределенно протянул Олег Иванович. — Мне это тоже показалось несколько странным... Но ведь на письмо веронца вы натолкнулись случайно?

— Совершенно случайно, уверяю вас! Можно сказать, если бы не одна назойливая муха — я бы вовсе ничего не знал. Видите ли, работал я в монастырском книгохранилище одного монастыря в Тоскане...

— Муха, значит? Как же так может быть?

— А очень даже просто, — снисходительно объяснил Николка, запихивая рюкзак в бортовой багажный отсек огромного автобуса. Низкий глубокий ящик был уже более чем наполовину забит: кроме рюкзаков там лежали длинные чехлы с фузеями, завернутый в мешковину барабан и даже два обшарпанных колеса от полевой двухфунтовки — бог знает, как ухитрились их туда запихнуть!

— Вильгельм Евграфович работал в библиотеке... тьфу,

книгохранилище этого монастыря. Он писал какое-то исследование — кажется, по крестовым походам, не помню точно...

— Так книгохранилище или библиотека? Разные ведь вещи... — придрался я. Мы с Яшей только-только закончили запихивать нашу поклажу и теперь сидели рядом с автобусом на пирамиде рюкзаков — отдыхали.

— В библиотеку можно прийти, взять книгу, а потом отдать, — невпопад ответил Николка. — Ну или прямо там полистать, в читальном зале. А в книгохранилище посетителей почти не пускают. Вот Вильгельм Евграфович два года письма от университета писал; и пустили его в монастырское книгохранилище, только когда через самого папу римского разрешение дали.

— Да, католики — они такие, — подтвердил я. — Жадные. И хрен чем русским людям помогут...

— Ну ладно, не о том речь, — поморщился Николка. Он ужасно гордился тем, что раньше своих товарищей узнал об истории с Евсеиным, и теперь горел желанием первым поведать все детали. А тут, понимаешь, перебивают на каждом слове! — Так вот, Вильгельму Евграфовичу принесли четыре книги. Две он стал читать, а две других оказались лишними — монах, заведовавший книгохранилищем, что-то там не понял и прихватил их просто на всякий случай. А работают там очень забавно — стоя, за такой особой конторкой вроде аналоя. Она узкая; вот Вильгельм Евграфович и сложил лишние книги на край — чтобы отдать, когда монах снова придет. Так он и работал; но тут прилетела большая муха и стала летать вокруг, жужжа и мешая. Господин доцент стал махать руками, чтобы отогнать муху, — и случайно уронил отложенные книжки.

Конечно, господин Евсеин испугался — книги-то древние, ценные, и если бы монах увидел такую неаккуратность — это могло бы стоить разрешения на работу в хранилище. Так что он быстренько поднял книги — и вдруг заметил, что из одной из них выпал какой-то листок. Поднял, прочел — он был написан на латыни, — и оказалось, что это письмо того самого итальянца.

— Ну да, — только и оставалось мне поддакнуть, — помню, как же. Ему еще в Александрии голову оттяпали. А он,

бедняга, палачей все поносил и грозился, что за ними тоже скоро придут...

— Да не перебивай же ты! — взорвался наконец Николка. — Ну никак договорить не дают, что ж это такое, в самом деле!

— Да ладно, прости, прости. — Мне и самому было интересно, что там с этим итальянцем, а фразы я вставлял все больше для порядку — чтобы собеседники не забывали о моей роли во всей этой истории. Зря, что ли, по Сириям ездили? — Давай, рассказывай дальше, мы слушаем...

— А дальше — в письме было написано, что итальянец этот — его, кстати, звали Джакомо Берталуччи и родом он был из города Верона — отыскал в Сирии некий загадочный манускрипт, в котором описываются способы проникновения в грядущее. И что этот манускрипт охраняют темные и неграмотные православные монашки, которые знать не знают, какое сокровище им доверено. Веронец писал своему другу, служившему при дворе Лукреции, герцогини Феррарской. Та, когда стала герцогиней, была совсем юной девушкой и очень скоро умерла — то ли от чахотки, то ли ее отравили. А вот среди придворных ее были, оказывается, заговорщики; и тот, кому этот несчастный веронец послал письмо, как раз и относился к их числу. Видимо, автор письма надеялся, что его высокопоставленный друг сумеет похитить бесценный манускрипт из монастыря в Маалюле и обратить его к пользе своего заговора. Но самое главное — вместе с письмом он передал старинные коптские четки, которые, по его словам, могли бы послужить ключом к «Вратам Хроноса» — так итальянец называл портал между временами.

— А где же он четки раздобыл? В Маалюле их вроде никогда не было; да и не отдали бы их ему монашки... — Вот удивительно! Оказывается, прежним хозяином наших бесценных четок был тот самый усеченный на голову макаронник? Ну сюрприз...

— Неизвестно, — пожал плечами Николка. — В письме об этом не было ни единого слова. История темная — похоже, Джакомо явился в Маалюлю, уже зная, что искать, а значит, четки он раздобыл еще раньше. В любом случае письмо до адресата не дошло: как раз тогда Лукреция умерла, а того, кому предназначалось письмо, заподозрили в отравлении, и ему пришлось бежать. Письмо каким-то образом попало в книгу,

которая потом досталась монастырю: видимо, кто-то из родственников беглеца его все же получил, но не придал документу особого значения.

— А четки? — жадно спросил Яша. В отличие от меня он слушал Николку не отрываясь, впитывая каждое слово, и в первый раз позволил себе прервать докладчика.

— Четки остались в семье того придворного как забавная безделушка. И, представьте себе, сохранились до наших дней! Вильгельм Евграфович, когда прочел письмо, сразу понял, что монахи о нем тоже не знают, — ну и разыскал потомков того итальянца, которому писал Джакопо. Представьте, как он удивился, когда выяснилось, что четки сохранились с самого семнадцатого века! Ему стоило немалых трудов уговорить нынешних хозяев расстаться с ними; по счастью, оказалось, что последняя из потомков беглеца — крайне набожная дама, и четок этих ни разу в жизни в руки не брала, почитая их еретическим соблазном, оскверняющим католическую веру. Остается лишь радоваться, что она их вовсе не выбросила...

В общем, раздобыв четки, господин Евсеин вернулся в Москву и принялся готовиться к поездке в Маалюлю. А так как университетское начальство и Географическое общество отказали ему в средствах на экспедицию, пришлось связаться с Ван дер Стрейкером. Олег Иванович считает, что бельгиец раздобыл где-то то ли копию этого письма, то ли упоминание о нем и потому и сумел разыскать доцента. Скорее всего, он посетил бывшую владелицу четок и узнал о русском, который их забрал. Вот так оно все и вышло...

— Да, занятно, — кивнул я. — Прямо художественное совпадение.

— Да погоди ты! — раздраженно цыкнул на меня Яша. — Продолжайте, пан Никол...

— Опять ты — «пан»! — с досадой сказал гимназист. — Сколько же можно, пора бы уже привыкнуть!

— Да, прости, Никол, — поправился Яков. — А ты, Вань, не мешай рассказывать...

— Да, собственно, уже почти все, — вздохнул Николка. — Вильгельм Евграфович взял деньги у Стрейкера, съездил в Сирию, нашел там манускрипт. Правда, монахини не позволили скопировать его — только разок показали. Вот господин

Евсейн и запомнил лишь маленький кусочек — про то, как открывать порталы.

— Зато теперь мы весь текст добыли, — не удержался и похвастался я. — Самолично все переснял, пока отец Христовой невесте мозги пудрил. То-то Евсейн сейчас в перевод зарылся — за уши не оттащить! Даже удивляюсь — как он на фестиваль с нами поехать согласился... Все-все-все, больше не буду! — спешно добавил я поскорее, увидав, что и Николка, и Яша готовы чуть ли не накинуться на меня. — Рассказывай уже...

— Ну вот, — продолжил гимназист. — Приехал Вильгельм Евграфович в Москву — и, конечно, сразу попробовал открыть портал. Только с первого раза не совсем получилось — портал-то открылся, только не там, где он хотел, а под землей. Ну потом он, конечно, разобрался, что к чему, и смог открыть нормальный портал — на Гороховской. Кстати, попытки с десятой, не меньше — для того чтобы все получилось, нужно было найти такую стену, которая сохранилась бы и в будущем, — а у вас здесь столько домов снесли! Вот он и ходил по всей Москве и пробовал, пока не нашел дом на Гороховской. А как получилось — сразу пошел к моему дяде, Василию Петровичу и снял квартиру в доме — чтобы быть поближе к порталу...

— Ясно, — вздохнул Яков. — Ну а дальше — Стрейкер потребовал четки и все записи по открытию себе, а господин доцент отказался.

— Ну да, — подтвердил Николка. — Он Стрейкеру с самого начала не верил. И хоть разок-другой сводил его в прошлое, но отдавать эту тайну бельгийскому авантюристу Вильгельм Евграфович не собирался. Вот Стрейкер его и похитил...

— Остается радоваться, что он так удачно ему по башке заехал, — усмехнулся я. — Не потеряй господин доцент память — все бы уже давно досталось этому бельгийскому проходимцу. И фиг бы мы с вами что-нибудь получили...

— Да, верно, — кивнул Яков. — Здесь нам, можно сказать, повезло.

Со стороны поляны раздался гудок. Мы вскочили — к автобусу подруливал Каретников.

— Ну что, готовы? — Доктор высунулся из окна тачки. — Грузитесь давайте, отправляемся. На въезде в Москву пробки, а нам вас еще на Гороховскую везти...

ГЛАВА 2

Геннадий и Виктор шли вслед за Володей Лопаткиным по длинному университетскому коридору. Им не раз приходилось бывать здесь в двадцать первом веке — Большая аудитория, церковь Святой Татьяны, знаменитая читалка в ротонде... Удивляли старинные вывески на дверях первого этажа: «Экзекутор», «Регистратор», «Квартирмейстер». По-видимому, они оставались чуть ли не с самого основания университета.

Когда-то оба они оказались здесь студентами-первокурсниками; можно было не сомневаться, что и на «нынешних», девятнадцатого века, новичков все это производит такое же неизгладимое впечатление. За сто тридцать лет большинство помещений не раз и не два подвергалось переделкам; вот и сейчас они шли по коридорам, заставленным всякими шкафами, стены завешаны объявлениями, расписаниями лекций. Повсюду, даже во время лекций — густая толпа студентов; ужасный шум. Привыкшие к куда более строгим порядкам Геннадий с Виктором недоуменно озирались. Володя уловил их удивление.

— Это еще что! Вот помню, когда я первый раз здесь оказался, так и вовсе опомниться не мог. Сами подумайте: после гимназии, с ее-то строгой дисциплиной. — Вот эдакая вольница! На лекцию хочешь — иди, не хочешь — не ходи. Захотел — пошел слушать лекцию другого факультета или другого курса. Никто за порядком не наблюдает, никто ничего не требует. Я все не мог понять, почему мне, который только вчера был загнан в рамки гимназических порядков, вдруг предоставили такую свободу!

— А с экзаменами как? — поинтересовался Виктор. — Много «хвостов» надо, чтобы отчислили?

— Отчислить могут за невнесение платы за обучение, — пояснил Лопаткин. — За нарушение университетского устава — например, за участие в каких-то противоправительственных действиях. За буйство сверх меры опять же. А так... многие к учебе очень небрежно относятся. Если не успеваешь за курсом — прямая дорога в «вечные студенты».

— Вечные студенты... академический отпуск, по болезни? — уточнил Геннадий. — Чтобы потом пересдать?

— Нет, что вы! — махнул рукой Владимир. — Если, ска-

жем, год-два проучился и не сдал установленного минимума — переходишь на другой факультет. Кое-кто так весь университет переберет. Вот, сами смотрите...

По коридору навстречу следовал весьма представительный господин с немаленькой бородкой, украшенной пробивающейся кое-где сединой; тем не менее господин был облачен в студенческий сюртук.

— А чего бы не учиться, коли средства имеются? — усмехнулся Владимир. — А может, уроки дает или кто из богатых родственников за него платит... А есть и другие, — продолжал пояснять гостям Лопаткин. — Вот, скажем... понаблюдайте...

У входа в аудиторию расположилась кучка студентов. Один из них, с виду постарше собеседников, выделялся значками двух факультетов.

— «Век живи — век учись», — прокомментировал гид. — Есть «вечные студенты» и такого рода. Заканчивают, видите ли, по два-три факультета. А то и отвлекают человека какие-то жизненные перипетии — скажем, к искусству потянется, а то и политикой увлечется. Или пустится путешествовать. Как быть? Времени все это требует весьма много, а отрываться от университета не хочется. Иные и возвращаются к учебе, а других затягивает такая инертность жизни...

Около следующей аудитории отиралась горстка первокурсников — видно было, что им, только-только вступившим под сени храма науки, здешние порядки еще в новинку. Один из студентов то и дело принимался листать тетрадь — видимо, с расписанием занятий.

К студентам подошел вальяжный университетский сторож.

— Кто должен читать, господа?

— По расписанию — профессор Николай Васильевич Бывалов, — с готовностью отозвался студентик.

Сторож покровительственно усмехнулся:

— Так он раньше декабря лекций не начинает. Так что идите себе, господа...

И важно проследовал по коридору. Ошарашенные первокурсники глядели ему вслед.

— Ну и порядочки у вас! — вырвалось у Виктора. — Ни фиги себе — предмет в расписании, а он — «не раньше декабря»! Заменить, что ли, не могли?

— Это еще что, — вздохнул Володя. — Осенью многие пре-

подаватели начинают лекции с изрядным запозданием. Да и на занятия приходят кто на четверть часа позже, а кто и того поболее. Обычное дело...

Первокурсники оторвались наконец от созерцания удаляющегося сторожа и вновь зашуршали тетрадами. Владимир и его гости остановились поодаль — наблюдали.

— Лекцию читает экстраординарный профессор... Что такое — экстраординарный? — спросил первокурсник товарищей по несчастью.

Те недоуменно пожимали плечами.

Лопаткин ухмыльнулся и пришел наконец на помощь несчастным:

— Вы что, господа, ни одного профессора до сих пор в глаза не видели?

Те смущенно замотали головами, с надеждой глядя на многоопытного избавителя.

— Экстраординарный, — снизошел до объяснений Владимир, — это значит «внештатный». То есть сей ученый муж, не являясь сотрудником университета, просвещает наши темные умы по некоему разделу наук.

Лопаткин говорил с первокурсниками снисходительно-высокомерно, чем еще больше усиливал их робость.

Пока Владимир преподавал азы студенческого жития первокурсникам, Геннадий и Виктор с любопытством озирались по сторонам. В здешних коридорах жизнь, похоже, всегда кипела. Толпа студентов была самой разношерстной — от щеголей побогаче, которые приезжали на Моховую в собственных экипажах (входя в здание университета, гости видели и таких), и до явных бедняков, живших впроголодь. Основная же масса на взгляд состояла из молодых людей весьма скромной наружности. Владимир успел уже рассказать, что большая часть таких студентов подрабатывает репетиторством, считая своим долгом хотя бы частично содержать себя, а не садиться на шею родителям.

Большинство студентов ходили здесь в форменных тужурках; сюртуки носили далеко не все. Тужурки эти — черного цвета с синим кантом и петлицами, золотыми орлеными пуговицами. Шинели, фуражки оставляли внизу, в гардеробе, под присмотром престарелого служителя в форменной университетской ливрее с золоченым кантом.

Форма, как говорил Владимир, хоть и была обязательна,

однако университетское начальство смотрело на нарушения сквозь пальцы. Большинство студентов все же предпочитали ходить именно в форме: во-первых, сразу видно, что студент, а это уже обеспечивало известное положение в обществе; во-вторых, так было дешевле. Носили поношенную студенческую форму: ходить в старом штатском платье считалось неприлично. Был еще какой-то парадный университетский мундир с золотым шитьем, треуголкой и шпагой, но за время своего визита на Моховую гости из будущего ни разу не видели ничего подобного. Кое-кто из студентов побогаче носил, правда, шпагу и сюртук с белой подкладкой — «белоподкладочники», называл таких гид. Это были, видимо, молодые люди из зажиточных семей. Владимир, описывая университетский быт, говорил, что такие держатся обособленно, давая всяким способом понять, что они находятся в университете ради учебы и вовсе равнодушны к посторонним темам вроде политики. Тон, которым молодой человек говорил об этих «академистах», не оставлял сомнений — сам от относится к ним с крайним осуждением, полагая реакционерами и своего рода «припешниками» университетских властей.

В противоположность шеголям, «академистам» и прочим франтам, которые внимательно следили за костюмом и прической, были и другие — нарочито небрежно одетые, отпускаявшие волосы до плеч, носившие нечесанные кудлатые бороды и усы. Многие носили еще и большие очки с синими стеклами — этот особый вид должен был показать окружающим, что для владельца очков имеет значение одна наука и он вот-вот осчастливит человечество каким-нибудь великим открытием. Беседы такие вели только о науке и учебе, все время делая таинственные мины, будто чего-то недоговаривали. Об этих Владимир говорил с иронией, но без раздражения — по всему было видно, что давно выбрал для себя занятие политической как основное наполнение жизни.

Вот такие группки, различающиеся между собой и платьем, и манерами, да и темами бесед, кучковались у аудиторий. До прихода профессора студенты толпились около дверей. Вели разговоры; дождавшись профессора, заходили.

Виктор заглянул внутрь вслед за ними: студенты чинно рассаживались по скамьям с узкими пюпитрами. Усмехнулся — точно такие же скамьи темного дерева он помнил по старым аудиториям Московского энергетического института.

Как там, в фокусе полукруглой, крутым амфитеатром, аудитории стояла профессорская кафедра. На ней сейчас устраивался солидный, почтенного возраста господин в штатском сюртуке.

Виктора подергали за рукав: Владимир, оставив в покое первокурсников, вспомнил о гостях:

— Однако же пойдёмте, господа. У Яниса как раз закончилась лекция, попробуем перехватить его. Он в столовой сейчас, наверное...

Университетская столовая, где обыкновенно обедало множество студентов, помещалась на первом этаже, в правом крыле здания. Обстановка здесь была самая что ни на есть скромная, даже «простонародная»: длинные столы, укрытые клеенкой. На столах стояли большие корзины с черным и серым хлебом, которого можно было брать вволю, безо всяких ограничений. В столовой принято было самообслуживание; что до цен, то были они, по московским меркам, самыми необременительными: обед без мяса пять копеек, с мясом — девять. стакан чаю — копейка, бутылка пива — семь копеек. При желании можно, конечно, было взять обед и подороже; в буфете, также весьма дешёвом, продавали кисели, простоквашу. Столовая постоянно переполнена; шум и гам, мельтешение: одни приходят, другие уходят, а кое-где за столами сидят крепко обосновавшиеся группки студентов. Судя по тому, как основательно они уселись, подобные ценители дешёвого пива из местного буфета подчас проводили в столовке куда больше времени, чем на лекциях в аудиториях.

Студенты победнее — что всегда было видно по поношенным, потертым тужуркам — брали только чай с хлебом. Внимания это не привлекало — наоборот, к таким, вынужденно себя ограничивавшим, относились с сочувствием. Иной раз незнакомый студент мог сказать бедствовавшему товарищу: «Коллега, я вам куплю обед, у меня на двоих денег хватит». Да и местное начальство порой предлагало таким страдальцам бесплатную тарелку шей без мяса...

Нужный им человек сидел за отдельным столиком у дальней стены, в компании еще троих таких же студентов. На столе, среди тарелок и пивных бутылок, громоздились стопки книг и клеенчатых тетрадок, перетянутых ремешком; так многие студенты предпочитали носить учебное имущество, демонстративно пренебрегая чиновничьими портфелями.

Владимир поздоровался; тот, что сидел в центре, тощий молодой человек с изможденным лицом и впалыми щеками, кивнул, указывая новоприбывшим на соседнюю лавку.

За столом всем было не поместиться; впрочем, нравы в университетской столовке были простыми: вмиг подтащили еще один такой же столик и дополнительную скамью, и гости уселись за стол. Один из компании побежал в буфет, за пивом и нехитрой снедью в закуску, а Володя тем временем представил гостей и сидевших за столом:

— Янис Радзиевич, студент медицинского факультета Киевского университета. Слушает у нас курс.

Изможденный молодой человек кивнул.

— Войтюк Геннадий Анатольевич, из Ковно. Прибыл с намерением поступить в университет. Виктор Анциферов, его земляк...

— Анциферов? — веселым тоном осведомился непредставленный молодой человек. — Батюшка мой, царствие ему небесное, упоминал как-то про Петра Аркадьевича Анциферова, своего товарища по нижегородскому кирасирскому. Вы, часом, не его сынок будете?

Виктор поперхнулся пивом и беспомощно воззрился на Геннадия.

— Вряд ли, — усмехнулся тот. — Насколько я знаю, отец моего друга никогда не был на военной службе. Верно, Виктор?

— К... да... — Молодой человек кашлем попытался скрыть некоторое смятение. — Мой батюшка служит по управлению статистики при Ковенской городской управе.

Легенды были оговорены заранее; документы Виктор и правда изготовил без особого труда. Самым трудным, как он и предупреждал, оказалось найти подходящую бумагу, а вот нанесение соответствующих водяных знаков, напротив, не доставило ни малейших хлопот: в первой же фирме, занимавшейся корпоративным стилем, им сделали бланки царских паспортов со всеми нужными аксессуарами. Обошлось это удовольствие недешево, и для того, чтобы профинансировать эту операцию, пришлось навестить несколько известных в будущем антикварных салонов, благо никакого стеснения в царских деньгах группа больше не испытывала. В итоге для каждого из членов Бригады прямого действия было заготовлено по три комплекта документов: один на собственные

имя-фамилию, а остальные пока не содержали ни единой записи; разработкой легенд под них предстояло еще заняться.

— Из Ковно, значит? — почему-то усмехнулся Янис. — А что за заведение изволили закончить и какой факультет нашей альма матер намерены вы осчастливить своим присутствием?

Это было оговорено заранее, так что Геннадий ответил немедленно:

— Закончил я Ковенское губернское реальное училище. Мой батюшка служит при управлении железных дорог, тоннельным инженером — вот хочет, чтобы я пошел по его стопам. Однако же, — усмехнулся он, — я, видимо, оказался плохим сыном и намерен был подавать на факультет физических и математических наук. Впрочем, обстоятельства помешали; теперь намерен дожидаться следующего года и заново подать прошение.

— А отчего все же не в техническое? — поинтересовался Янис. — Составили бы компанию вашему другу Володе, — и он кивнул на Лопаткина. — Реалисту — оно и попроще..

— Имею склонность к фундаментальным дисциплинам, — усмехнулся Геннадий. — К тому же мечтаю продолжить образование в Германии.

Они побеседовали еще какое-то время. Виктор больше отмалчивался, прихлебывая пиво, довольно скверное. Геннадий и Янис перебрасывались малозначащими фразами. Лопаткин поначалу участвовал в беседе, но потом, подобно Виктору, переключился на употребление пенного напитка и совершенно выпал из разговора.

Наконец Янис встал:

— Ну что ж, друзья, пора и честь знать. Простите, у нас с коллегами еще имеются некоторые дела. Может быть, продолжим знакомство в более приватной обстановке?

— Так можно у меня, в «Аду»... — засуетился Лопаткин. — Вот как освободитесь — прошу в гости. Не забыли куда?

— Нет уж, благодарю покорно, — усмехнулся Радзиевич. — У вас там слишком много... тараканов.

Паузу он сделал столь многозначительную и так явно обвел собеседников глазами, что было видно — он не сомневается, что те прекрасно уловят скрытый смысл сказанного.

— Вот, кстати, наш Коля, — и Янис указал на своего товарища, того, что давеча спрашивал о фамилии Виктора, — зав-

тра, в семь пополудни, устраивает вечер с чаем; приходите, будем ждать. Чай бесплатно, баранки приносите с собой; вход десять копеек, благотворительный сбор — в пользу неимущих студентов. Танцы ожидаются, барышни с философских курсов. Будете?

Геннадий кивнул:

— Непременно воспользуемся, спасибо за приглашение. А куда?..

— Володя знает. — Янис не дал молодому человеку ответить. — А сейчас — простите, вынужден откланяться...

И, уже направляясь к выходу, неожиданно повернулся к Геннадию:

— И примите совет... коллега. Подберите себе другой родной город. Ваша манера речи, конечно, не вполне привычна для Белокаменной, но поверьте, здешние жандармы, при всей их тупости, прекрасно умеют отличить польский акцент...

«Ты совсем изменился, Яша, — сказал недавно дядя Ройзман. — И я таки не знаю теперь, мой ты племянник или совсем уже второй человек. Одно могу сказать — когда будешь подсчитывать гешефты, постарайся не забыть, что ты все же еврей. Потому что те, кто вокруг тебя, это точно не забудут».

Наверное, старик был прав — со своей колокольни. Яша и сам понимал, что изменился и больше никогда не станет прежним. Как там говорил их сосед в далеком теперь уже винницком местечке? «Еврей, севший на лошадь, — это уже не еврей». А он, Яша, пожалуй что и оседлал своего скакуна. И какого — до него, кажется, было далеко и бароновой каравоной кобыле, перед которой замирали в восхищении потомки на их забавном историческом празднике. Яша чувствовал, что надежно устроился на спине Удачи и теперь несется во весь опор туда, куда вынесет его этот капризный скакун.

И все же старик Ройзман тысячу раз прав. Как втолковывал меламед в хейдере, куда Яша успел походить целых полгода: «Кто говорит «алеф», должен сказать и «бейс»¹. Иначе говоря — если первые шаги на ниве сыска оказались столь успешны и, мало того, привели Яшу в общество таких серьезных людей, — придется теперь задуматься о том, как его и да-

¹ Алеф, бейс — две первые буквы еврейского алфавита.

льше будут принимать в таком обществе. Яша ни разу не заинтересовался у друзей из будущего, каково в их мире отношение к евреям. Да и зачем? Как бы ни были полезны все эти порталы-морталы, жить-то ему предстоит здесь! И какие бы штучки, изобретенные в двадцать первом веке, ни удалось раздобыть — применять их придется тоже здесь. А значит...

А значит, перед ним опять встает проклятый вопрос: кому в Москве, да, пожалуй, и во всей России, нужен сыщик-еврей, пусть даже не обделенный талантом? Нет, конечно, если он и дальше хочет искать неисправного должника Берценмахера или следить за мошенником, торгующим поддельными голландскими кружевами, по заказу Ицека Блюмштейна, который держит на Кузнецком модную «Венскую» лавку, — тогда все хорошо. А вот если он хочет иметь дело с такими людьми, как Корф, Никонов, да, в конце концов, тот же злодей Стрейкер...

В паспортах жителей Российской империи недаром имелось графы «национальность». Это не интересовало власти. В конце концов, какая разница, кто ты — остзейский немец, удмурт, мордвин или архангелогородец? Империи важно одно — верность. А чем она подтверждена — во всяком случае до того, как тебе доверят подтвердить ее делом, а порой и кровью?

Правильно. Присягой. И чиновники и воинские командиры Российской империи охотно верили присяге, принесенной на православной или лютеранской Библии, на Коране, на католическом распятии. Доверия не было лишь иудеям — любой охотнорядский сиделец знал (и при случае с удовольствием повторил бы), что в «жидовских книгах» написано, что обманывать иноверца — не грех вовсе, а наоборот, заслуга. И что любое предательство или гнусность, совершенные по отношению к неиудею, не ляжет грехом на душу истинно верующего.

Что с него взять? В Охотном ряду и не такого наслушаешься.

Тем не менее, чем больше голова Яши кружилась от радостных перспектив, тем чаще и чаще задавал он себе вопрос: «А готов ли ты?..»

Яков знал, что будет значить ответ «да». Он помнил, как их сосед в кровь, до полусмерти, избил своего сына Додика, давнего, с детских лет, приятеля Яши за то, что Додик срезал

пейсы. Додик при смерти валялся в околотке, а его отец рвал на себе волосы и рыдал — от сожаления, что его сын не умер, что хоть как-то искупило бы срам, который он навлек на всю семью...

А ведь если сделать то, о чем думал он... нет, его, конечно, не избыют в кровь. Отец давно покоится на еврейском кладбище близ Винницы, а больше никто не посмеет поднять на Яшу руку. Но и путь назад будет отрезан. Насовсем. Не будет больше забавной, иногда невыносимо раздражающей, но все же такой теплой родни... не будет ворчания дяди Ройзмана. Он вообще больше не скажет о нем ни слова, как будто его и не было никогда на свете. И старый ребе Гершкович, который уговаривал когда-то отдать Яшу в хейдер, будет темнеть лицом при упоминании его имени и говорить «вейз мир...».

Яша помотал головой, отгоняя горькие мысли. Не сейчас... слава Создателю — хоть в этом сомнений быть не может! — решать ему придется не сейчас. И, наверное, не завтра — пока что у него слишком много дел...

Микрофон-затычка в ухе ожил. В комнате скрипнула дверь, раздались стуки, шорохи, и все скрыла волна треска. Яша, чертыхнувшись про себя, принялся жать кнопки тонкой подстройки. Наконец помехи ушли, и голос звучал теперь так же чисто, как если бы он сам находился в комнате, рядом с беседующими.

— Слышь, Ген, а что этот Янис... Янек... ладно, какая разница? Что он домотался до тебя с акцентом? Мало ли в этом гребаном Ковно русских? Не все же там поляки, в конце концов...

— Я так полагаю, он нас раскусил. И таким изящным способом дал понять, что не верит нашей легенде ни на грош.

— И что теперь? Держимся от него подальше?

— Ни боже мой. Он же приглашения своего не отменял, верно? Значит — намекает, что понял, что мы — не те, за кого себя выдаем, но готов отнестись к этому с пониманием.

— То есть — он и сам такой? Это ты имеешь в виду?

— Точно. Этот Янис — коробочка с двойным дном...

Звук вновь ушел и на этот раз звучал уже глухо, как бы Яша ни колдовал с подстройкой. Видимо, кто-то из вошедших накрыл микрофон. Яша пристроил его на ножке кровати, изнутри — а кто-то уселся на постель рядом с устройством и мешает теперь крохотной штучке нормально улавливать звук...

Яша вслушался — удавалось различать лишь отдельные слова. Это было обидно, и даже очень: для того чтобы получить возможность поставить прослушку в комнате студента Лопаткина, ему пришлось вытерпеть нуднейший урок латыни, и еще придется. Чтобы без помех, своим, проникнуть в «Ад», Яша договорился о частных уроках со студентом, проживающим этажом выше Володи Лопаткина; теперь придется исправно посещать занятия, выкраивая возможность по дороге туда или обратно как бы невзначай завернуть не на тот этаж, найти нужную дверь...

Студент, взявшийся подтягивать Яшу по латыни, оказался словоохотливым; от него молодой человек узнал, что студент Лопаткин (пользующийся даже здесь, в «Аду», устойчивой репутацией больного на голову и смутьяна) потратил немалые деньги — лишь бы снять именно ту комнату. Ту самую, где несколько лет назад собирались студенты-нечаевцы, а еще раньше — каракозовцы, члены кружка «Ад». По мнению Яши, это было несусветной глупостью, но студент Лопаткин, видимо, полагал иначе. Конечно, что взять с кокаиниста! У Яши было теперь особое отношение к людям, предающимся этому пороку, — друзья из будущего рассказали ему об истинной цене кокаинового дурмана. Так что от Лопаткина особо разумных действий ждать, пожалуй, не приходится.

Но Геннадий? Неужели он, человек другого времени, не понимает, что «Ад», как и соседствующие с ним «Чебыши», давным-давно профильтрован агентами жандармского управления? И являться сюда, лелея какие-то противоправные замыслы, — это все равно что встать под самый яркий фонарь и кричать: «Вот он я, ловите!» А теперь еще и эта «благотворительная вечеринка»! Да Яша готов был выпить пузырек чернил, если на ней не окажется хотя бы одного шпика! И тем не менее гости из будущего наперебой обсуждали предстоящий визит. Да уж, умники... на таких людях земля держится. Когда они в нее зарыты.

А может, они не задумали ничего дурного и интерес Геннадия к житию московских студентов и правда носит (как уверял когда-то Яшу Николка) чисто научный характер? Ну, скажем, пишет Геннадий какую-то книгу, посвященную московскому студенчеству... так и чего же в этом такого? Тогда, наоборот, понятно, почему он ходит в подобные места.

Нет, это слишком уж хорошо, чтобы оказаться правдой.

Яша ни на секунду не верил Геннадию — особенно после того, как тот попытался обмануть Ольгу и выманил у нее бусинку, открывающую проход в прошлое. Раз так — значит, и цели у него (ну и, понятное дело, у его сообщников) могут быть лишь самыми злодейскими. И ему, Яше, еще предстоит в этом разбираться. «Вывранные годы»¹, как любила повторять покойная житомирская тетя Циля...

Да, ведь еще надо не забыть зайти к Гиляровскому — пока репортер еще не забыл о нем! Такая удача выпадает нечасто; Яков не собирался упускать шанса поближе сойтись с одним из самых известных московских журналистов. Такие связи, знаете ли, дорогого стоят, особенно на том поприще, которое он для себя выбрал.

А эти шлемазлы, значит, все-таки решили идти на ту вечеринку? Яша повеселел и принялся обдумывать, что он предпримет в связи с этим обстоятельством.

ГЛАВА 3

Пф-ф-хлоп! Бах!

На мешке с землей, почти в центре нарисованной углем мишени возникло ярко-синее пятно, окруженное мелкими брызгами.

Пф-ф-хлоп! Бах!

Второй шарик с краской задел угол мешка и разбрызгался красным веером — так в иных боевиках принято изображать последствие попадания пули в голову.

Пф-ф-хлоп! Бах!

И третья красная блямба украсила мешок — почти поверх второй.

— Что ж, весьма недурно, штабс-капитан, — заметил барон. — А скажите на милость, удар, наверное, получается достаточно болезненный?

Нессельроде усмехнулся.

— Ну мы же не с детишками в пятнашки играть собрались, барон, — ответил он. — Солдату хорошая плюха пойдет только на пользу. Заодно и запомнит, что лишний раз голову под пулю подставлять не следует.

¹ Еврейское присловье, означающее нервотрепку.

— Но ведь можно, наверное, как-то защитить стрелков? — поинтересовался Фёфелов. Он с интересом вертел в руках «краскометное ружье». — Ну, скажем, нечто вроде фехтовального колета. Да и маска, как мне кажется, не помещает — ваш красящий снаряд, попав в физиономию, может и глаз вышибить.

— Излишне, — отрезал штабс-капитан. — Этим мы только изнежим солдат. Вполне достаточно, как я указал в моем «Практическом руководстве по организации занятий с краскометами», дать команду нижним чинам стрелять только в нижнюю часть тела. И, разумеется, следует одевать солдат в особые балахоны из мешковины — дабы не замарать краской казенной формы. Мешковину же потом отмачивать, отстирывать и использовать по второму разу. Защитные очки я полагаю необходимыми только для надзирающих за занятиями офицеров.

— Все-то мы о казенном имуществе печемся, — отозвался барон. — Нет чтобы о людях... Да и какой болван, скажите на милость, во время боя будет думать о том, чтобы занизить прицел? Вы же сами говорили — диковина сия предназначена для обучения стрельбе при столкновении с противником на небольшой дистанции — например, во время боя в городе или захваченной крепости, так?

— Верно, — подтвердил Нессельроде. — Француз Гюстав Реклю как раз и разработал свое краскометное ружье по заказу капитана зуавов Дюруа. Тому предстояло обучать своих людей действовать против алжирских мятежников в небольших деревнях и городках, где на первый план выходит не столько слаженность при стрельбе подразделения, сколько умение отдельного бойца. В итоге ударный отряд четырнадцатого линейного полка, которым командовал Дюруа, блестяще показал себя в Алжирской кампании одна тысяча восемьсот семьдесят девятого года в Оране и потерял в боях в Оране и Сиди-Брахиме только двух солдат ранеными.

— Вот видите, капитан! — кивнул Фёфелов. — Выходит, зуавов учили воевать отнюдь не в атаке цепями, как вы предлагаете, а в перестрелке на местности с массой искусственных укрытий — например, домов. А как вы будете действовать в таких условиях? Правильно — высунулся из-за укрытия, стрельнул — и обратно. Какая уж тут стрельба в нижнюю часть тела...

— Ну не знаю, не знаю, господа... — покачал головой Нессельроде. — Возможно, вы в чем-то и правы. Но — увы, в нашей армии сию диковину, похоже, все равно оценить некому. Как ни старался Михаил Иванович¹ внедрить обучение с краскометами, поддержки эта затея так и не нашла. Только вот я да Арсеньев с Толстым и увлеклись. Остальные, увы, мыслят до сих пор в категории «пуля-дура, штык-молодец» и не желают замечать прогресса военной техники. Неповоротливость наша российская...

При этих словах Корф иронично переглянулся со своим спутником — молодым человеком, тем самым, памятным офицерам батальона по недавней демонстрации приемов рукопашного боя.

— Скажите, капитан, — обратился барон к Нессельроде. — А генерал Драгомиров приглашал каких-то специалистов из Франции для обучения солдат владению этими...

— Маркерами, — добавил его спутник.

— Простите, как вы сказали, юноша? — переспросил Фелов.

— Ну маркер — ствол пейнт... краскометный, — ответил молодой человек. — Интересная конструкция, пневматика. Только вот заряжать хлопотно — дольше, чем винтовку.

— Да, — ответил штабс-капитан. — Это модель «два семьдесят шесть», то есть двуствольная, семьдесят шестого года. Заряжается с казенной части вот так... — и Нессельроде, завладев ружьем, ловко переломил его и вложил в стволы два латексных шарика с краской. Потом клацнул стволами, запирая ружье, и с натугой взвел рычаг газового механизма.

— Дальность стрельбы — всего тридцать пять — сорок шагов. Собственно, это и стало главной причиной отказа от этого метода у нас, в России, — слишком малая дальность стрельбы.

— Ну и зря, — отозвался Ромка. — При зачистке больше и не надо. Скорострельность, правда, аховая, но все же два ствола — неплохо...

— При чем? — не понял подполковник. — Боюсь... э-э-э...

¹ Михаил Иванович Драгомиров — генерал от инфантерии, крупный военный теоретик. Ярый сторонник передовых методов подготовки солдат, в том числе — разнообразных военных игр.

Роман, кажется? Боюсь, Роман, я не вполне понимаю ваши термины...

— Ну зачистка, — пояснил Ромка. — Это когда штурмовая группа входит в аул и чистит его от снайперов и гранатометчиков.

— В аул? Это вы о войне на Кавказе говорите, я правильно понимаю? А что такое...

— Мой молодой друг пользуется несколько непривычными нам терминами, — поспешил вмешаться барон. — Видите ли, он обучался военному делу на... в общем, довольно далеко отсюда. Если вкратце, то Роман говорит о действиях небольших ударных отрядов, действующих на манер казачьих плас-тунов или башибузуков, в отрыве от крупных подразделений — как раз в таких условиях, как зуавы, о которых вы, капитан, только что рассказывали.

— Ну да, — согласился Ромка. — Я к тому, что господин полковник все правильно сказал: в застройке стреляешь из-за углов, из оконных проемов. Только так: ствол высунул на секунду, шмальнул — и все. Так что если куда шар и прилетит, то в чан... в голову то есть, — поправился он. — Значит, очки точно нужны. И маска тоже.

— Так вас, значит, тоже обучали пользоваться краскометными ружьями? — спросил Ромку Нессельроде. — Любопытно, крайне любопытно! А не могли бы вы рассказать...

— Вот что, господа, — барон решительно пресек опасный разговор, — давайте поступим так. Капитан, сколько ружей для краски вы привезли в Москву?

— Ротмистр Арсеньев и капитан лейб-гвардии Финляндского Толстой доставили в Россию четыре набора снаряжения. В восемьдесят втором году мы вместе с этими господами и французом, капитаном Анри Элиаром, которого откомандировал к нам сам Дюруа, продемонстрировали новинку в Красносельских лагерях, на показательных занятиях. В дальнейшем выписали за свой счет из Франции еще полсотни ружей с материалом для красящих шариков, но доставили в Россию только тридцать штук. Из них семнадцать я и привез с собой в Москву.

— Материал, говорите? А из чего их делают? — поинтересовался барон.

— Сам шарик — из латекса, это такая тонкая пленка из каучука. А синяя краска — медный купорос.

— Вот, значит, как... — протянул Корф. — Впрочем, купорос так купорос, какая разница... Полковник, вы сможете устроить так, чтобы для этих ружей было изготовлено достаточное количество зарядов?

— Если капитан продемонстрирует, как это делается, — конечно, — ответил Фефелов. — Толковые люди в батальоне найдутся.

— Да, и дайте команду соорудить для всех защитные маски и балахоны, — добавил Корф. — Давайте все же не пренебрегать мерами предосторожности. Купорос — штука для глаз вряд ли полезная...

— Так, значит, хотите устроить маневры, барон? — спросил Нессельроде.

— А разве вы не для этого приехали сюда? Вот и проведем, а заодно предлагаю пари, господа.

— Пари? И какого же рода, позвольте поинтересоваться?..

— Чрезвычайно просто, господа, — ответил Корф. — Наш друг капитан обучает всех желающих офицеров батальона управляться с краскометами... всего их семнадцать, кажется? Недостающих кликнете среди унтеров и нижних чинов, думаю, с этим сложностей не будет. А как будете готовы — недели вам, думаю, достаточно? — устроим потеху. Вы все, под командованием капитана Нессельроде — против меня и троих-четверых моих друзей. С проигравшей стороны — ужин для победителей у Тестова. Нижним чинам и унтерам от меня лично по пять целковых при любом исходе пари. Идет?

Удивленный Нессельроде кивнул и обвел взглядом офицеров. Те реагировали по-разному: кто выжидающе молчал, кто пожимал плечами, а кто и согласно кивал. Фефелов, помнивший о сюрпризе, который в прошлый раз преподнесли барон и его гость, только улыбнулся в усы.

— Я, право, не знаю... — заговорил наконец штабс-капитан. — Я здесь не хозяин... как решит господин полковник?

— Я, пожалуй, поддержу пари, — ответил Фефелов.

Остальные офицеры, дождавшись решения командира, облегченно закивали.

— Одна только деталь, — продолжал подполковник. — У вас, капитан, семнадцать ружей? А барону и его друзьям ведь тоже понадобится оружие. Значит, нас будет только двенадцать человек.

— Нет, именно семнадцать, — ухмыльнулся Корф. — Мы, с вашего позволения, сами позаботимся о снаряжении.

— Слушай, Вань, а как дела у Сергея Алексеевича?

Мы сидели в Николкиной комнате. За окном накрапывал мелкий октябрьский дождик; у Овчинниковых начали топить печку, так что тепло было чрезвычайно. Пасмурная хмарь за окном постепенно густела, дело шло к вечеру.

Я пожал плечами:

— Да ничего вроде. Дядя Макар особо не распространялся. Говорит — ранение было очень тяжелое, лейтенант только-только выкарабкиваться начал. Ольга все время возле него сидит, да и сам доктор, видишь, не слишком-то часто тут появляется...

— Да... — вздохнул Николка. — После фестиваля я его, почитай, и не видел. Зато твой папа все время здесь.

— Еще бы! — подтвердил я. — Они с Вильгельмом Евграфовичем целыми днями то в Московской духовной академии пропадают, то дома сидят за компом. Хорошо все же, что отец сумел разыскать ту криптографическую программу, серьезное подспорье...

— Они скоро собираются прочесть те металлические пластинки? — уточнил Николка.

— Ну... — Честно говоря, я и сам толком не знал как. — До пластинок, знаешь ли, еще далеко. Они сейчас с маалюльским текстом работают. Папа говорит — коптский текст уже перевели, но там много непонятного — например, несколько зашифрованных кусков. Вильгельм Евграфович обещает где-то через месяц закончить с основной частью, но пока... Этот египтянин постарался как мог: часть текста вообще написана зеркальным письмом, причем самая, похоже, важная.

— Значит, будем ждать, — вздохнул гимназист. — Жаль, конечно; все так надеялись, что там окажется что-то интересное...

— Так оно и оказалось! — подтвердил я. — Вот отец с господином Евсеиным точно сказали, что уже знают, как закрыть портал. Правда, делать этого все равно нельзя... пока, во всяком случае.

— А почему «пока»? — спросил Николка. — Олег Иваныч вроде в прошлый раз рассказывал, что этот способ позволяет

совсем закрывать порталы, — значит, им пользоваться вообще никогда нельзя будет?

— Да вроде бы портал можно не закрыть, а как бы это... свернуть. Ну привести в такой вид, чтобы его можно было перенести на другое место. Как раз сейчас они над этим куском и бьются. Господин Евсеин говорил, что в тексте манускрипта не хватает большого фрагмента и придется запрашивать Бурхардта, в Александрии. Вот они сейчас и возьмется с пластинами — хотят подобрать сочетания значков, которые обозначают перенос портала. А как подберут — отправят Бурхардту, тот поищет нужные комбинации на своих пластинах — и будет переводить их в первую очередь.

— Так он же вам копии всех пластин отдал? — спросил Николка. — Можно и здесь перевести...

— Можно-то можно, — со вздохом ответил я. — Только очень уж это сложная работа. А немец — он все же спец, каких мало, Евсеину до него далеко. Может, он скорее делает?

— Хорошо бы, — кивнул Николка. — А то я, честно говоря, как на иголках сижу — все жду, что вопросы задавать начнут. И так уж ходим через наш двор туда-сюда...

— Это точно, — согласился я. — Папа с Корфом вообще собираются предложить Василию Петровичу снять все квартиры в доме — чтобы меньше свидетелей было.

— Не получится, — вздохнул Николка. — Дядя Василий о наших студентах очень уж печется. Ему много раз предлагали куда более выгодных жильцов, а он — ни в какую; не хочет студентов на улицу выставлять, и все тут!

— Да уж... российский интеллигент, — только и усмехнулся я. Нет, честное слово, я еще в первый свой визит к Овчинниковым — ну тогда, когда мы только встретились с Николкой и прошли через портал, — так вот, я еще тогда подумал, как похож его дядя на отца мальчика Пети из катаевского «Белеет парус одинокий».

— Нет-нет, я вовсе даже и не осуждаю. Конечно, студентов выгонять нельзя. Только сам подумай — а нам-то что делать? Студенты — народ внимательный и думающий... Где гарантия, что кто-то из них уже к нам не присматривается? А тут еще Яша говорил, что эта сволочь Геннадий к студентам подходы ищет...

СОДЕРЖАНИЕ

Часть первая. ГИМНАЗИЧЕСКИЙ ВАЛЬС, или ИГРА В ОДНИ ВОРОТА	5
Часть вторая. ДИНАМИТНЫЙ БЛЮЗ, или ДЕНЬ РЫЖИХ ПСОВ	163
<i>Эпilog.</i>	375